

Я.М. Цыганова*

**ОБРАЗЫ ВОЛГИ И ВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Волга – великая русская река. Так считается сейчас, таковой Волгу считали и лет сто – сто пятьдесят назад. Однако во второй половине XIX – начале XX вв., когда речь заходила о Волге как о русской реке, имелся в виду лишь её тогдашний статус. Всем, кто хоть немного знал историю, было известно, что Волга не всегда была русской рекой. Даже к началу XIX века она не была вполне таковой, а её название, вероятнее всего финно-угорского происхождения и означает «святая, священная река». Священной рекой Волга была не только для русских, но и для всех других народов, населяющих её берега. Соответственно, её место в исторической памяти менялось в зависимости от хода истории. Так как память по сути своей образна, то именно образы событий прошлого являлись основой обыденных представлений о прошлом этого региона¹.

Образ любого региона складывается благодаря ряду факторов. Эта тема была тщательно исследована в работах основоположника одного из направлений гуманитарной географии – Д.Н. Замятина. Он отмечал, что географические образы – образы городов и территорий – «могут принимать различные формы, в зависимости от целей и задач, условий их создания», являясь в то же время «совокупностью устойчивых представлений и ключевых символов, которые аккумулируют наиболее интересные с образной точки зрения черты и характеристики исследуемых географических пространств»².

Как представляется, географические образы зачастую содержат и такой важный компонент, как историческая память – образные представления о тех ключевых событиях, которые были связаны с прошлым данного региона. Историческая память формировалась под влиянием ментальных установок и стереотипов, мифов, социокультурных особенностей той или иной эпохи, идеологии, а также личных представлений тех, кто писал об этом регионе. Образы, как известно, изменяются гораздо медленнее самой исторической ситуации. Это означает, что в тех представлениях о конкретном регионе, которые сформировались в российском обществе XIX века, бытовала, прежде всего, память, унаследованная от современников и свидете-

---

* © Цыганова Я.М. – аспирант кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

лей тех или иных ключевых событий прошлого. Если же говорить о регионах России, то трансформация представлений о них, проходившая нередко несколько десятилетий, зависела от реакции центра на новые условия развития регионов, которая проявлялась в формировании новых региональных географических образов в самом центре³.

Образы Волги в исторической памяти российского общества постоянно изменялись, дополнялись новым содержанием. Особенно бурно этот процесс проходил в пореформенную эпоху: одной из причин этого (и в то же время – следствием) стали входившие в моду путешествия по России. Как правило, поскольку туристическая культура делала лишь первые шаги в своём развитии, основной поток путешествовавшей публики отправлялся в уже известные, прославленные места туристического паломничества, как, например, Крым. Однако уже к концу века одним из самых популярных туристических маршрутов становится Волга. Путешествия по великой русской реке, посещение поволжских городов действительно оставляли массу впечатлений у туристов. Следствием этого стало появление путеводителей и путевых заметок, составленных во время или после поездок по Волге. Именно эти путеводители и составили источниковую базу нашего исследования, так как именно путешествия являлись одним из основных и важнейших источников формирования образа того или иного региона в общественном сознании. Описания путешествий по Волге в конце XIX – начале XX вв. дают подробное представление о том, что это были за образы, которые можно условно разделить на исторические и современные. Исторический – образ прошлого, то, что запечатлелось в памяти о давно минувших днях в истории данного края. Современный образ (применительно к пореформенной эпохе) определялся тем, что стало значить Поволжье для России в XIX веке в политическом, экономическом и культурном плане.

Первый путеводитель по Волге был издан Н.П. Боголюбовым в 1862 году⁴. Этот путеводитель можно смело назвать своеобразной энциклопедией сведений о Волге и Поволжье. В нём представлены многие аспекты, которые могли бы заинтересовать читателей. В первую очередь, история как Поволжья в целом, так и каждого крупного города, на котором автор останавливал своё внимание. В путеводителе также давалось подробное описание самих городов, их достопримечательностей, военных, промышленных и культурных учреждений, экономики.

Подобная схема изложения была свойственна практически всем последующим путеводителям и путевым заметкам. Наиболее известные среди них написаны С.И. Монастырским, В.И. Немировичем-Данченко, В. Сидоровым, Г.П. Демьяновым, А. Батуевым⁵. При их изучении сразу бросается в глаза практически одинаковая структура, довольно часто схожие представления о великой русской реке, её символическом значении в самосознании россиян и впечатления от посещения того или иного города. При этом жанры путеводителей и путевых заметок обладали своей спецификой.

Путеводители были предназначены, в первую очередь, для читателей, интересующихся Поволжьем и будущих путешественников по Волге. В свя-

зи с этим некоторые авторы (С.И. Монастырский, Г.П. Демьянов) преимущественно ограничивались сухим подробным описанием энциклопедического характера: внешний вид местности и городов, краткая история городов, губерний, в некоторых случаях – анализ хозяйственного состояния того или иного региона.

Путевые заметки, которые писали В.И. Немирович-Данченко, В. Сидоров, А. Батуев, представляли собой собственные мысли авторов о Волге и её городах, описание того, что они сами видели, из истории же авторы отмечали только то, что знали или вспоминали о конкретном городе. Например, В. Сидоров в своих заметках не обращался к фактическим данным, но рассказывал о своих представлениях о том или ином городе, своих впечатлениях, обращался к тем историческим событиям, с которыми определённый город ассоциировался, то есть практически прямым текстом говорил о том, что для него значили и Волга и её города как «место памяти».

Отметим такой важный момент, что все путеводители – это взгляд со стороны. Они дают возможность реконструировать место Волги в историко-культурном пространстве России пореформенной эпохи. Сам же факт их появления в довольно большом количестве свидетельствует о том, что Волга в то время вызвала интерес. У людей появилась потребность «познакомиться со своей обширной и прекрасной родиной»⁶.

Волга поражала путешественников по ней своими необычайно широкими просторами. «Начинается Волга в царстве хвойного леса... а оканчивается среди сожжённых солнцем азиатских степей»⁷. Будучи несравненно длинной и к тому же удобной для сравнительно дешёвых путешествий, Волга притягивала к себе россиян. Как никакая другая река в Европейской части России Волга соответствовала образу так называемой «русской души» и, помимо этого, символизировала сочетание непохожих народных культур, делая регионы различными не только по ландшафту, но и по своей внутренней историко-культурной специфике.

Путешествующие по Волге, как отмечалось выше, довольно много внимания уделяли именно историческим событиям, произошедшим в Поволжье, что позволяет говорить об осознании значимости региона, прежде всего, в историческом плане.

В сознании российского народа Волга всегда понималась в нескольких значениях. Первое из них вполне логично объясняется естественной тягой человека к воде. В исторической памяти и культуре практически всех народов особое место занимает, как правило, самая большая и главная река, водами которой орошаются земли: например, в Древнем Египте – Нил, в Индии – Ганг, в Германии – Рейн, в Англии – Темза. В России эта роль была отведена Волге. Эта река притягивала к себе многие народы: татар, чувашей, башкир, мордву, русских, которые заселили берега её нижнего течения одними из последних.

Во-вторых, это территория вдоль реки – Поволжье. Регион большой, неоднородный как по климатическим, территориальным особенностям, так и по пройденному им историческому пути. Россия много веков боро-

лась за ключевые пункты Поволжья: устья Оки, Камы и самой Волги. Эта борьба стала определяющим аспектом в формировании первоначальных образов Волги, о которых речь пойдёт ниже.

В целом в исторических представлениях, которые сложились во второй половине XIX – начале XX вв., можно условно выделить следующие образы Волги, отражавшие реалии тех или других давних эпох.

Первый образ Волги (от древних времён до середины XVI века) вполне логично сложился исходя из геополитической ситуации той эпохи. Территории Верхней Волги русскими землями стали ещё со времён Ярослава Мудрого. Среднее и Нижнее Поволжье ещё долго оставались землями кочевников, вражескими, дикими, на которых постоянно «проливалась кровь». Не будем подробно касаться истории Поволжского региона. Отметим лишь, что факт вхождения этих земель в состав враждебной Золотой Орды повлиял на восприятие их соответственно, причём не только в сознании людей золотоордынского периода, но и в представлениях XIX века Среднее и Нижнее Поволжье ассоциировалось не иначе как с «обиталищем варваров»⁸.

Огромную роль в истории Поволжья играет фигура Ивана Грозного. При нём после долгой, упорной и кровопролитной борьбы, окончившейся покорением Казани в 1552 году и Астрахани в 1556 году, «вся Волга от начала до конца по обе стороны стала русской рекой»⁹.

Здесь не будет лишним отметить и ещё один интересный момент в сложившемся историческом образе Волги. В первом путеводителе по Волге, составленном Н.П. Боголюбовым, говорится о завоевании Астрахани: «Иоанн IV присоединил к державе русской Астрахань и очистил Волгу от постороннего владычества»¹⁰, то есть к XIX веку Волга стала окончательно русской не только с геополитической точки зрения, но и в сознании людей настолько, что даже исконные её народы, пусть и обитавшие здесь до покорения Российским государством, считались «посторонними».

Второй исторический образ Поволжья, сложившийся под влиянием событий следующей эпохи, ещё более интересен. Теперь это официально была территория Российского государства. Но одно дело завоевать, другое – покорить. Средняя и Нижняя Волга оставались оплотом чуждых культур и порядков. В добавление к этому в Смутное время туда стали стекаться беглые крепостные, бродяги. Берега великой реки превратились в места грабежей и разбоев, то есть, Поволжье XVI – XVIII вв. стало краем, который необходимо было усмирить.

Однако и здесь образ «беспокойного края» имел разные оценки. Напомним, что неразрывно связаны с Волгой имена Степана Разина и Емельяна Пугачёва, оставившие довольно яркий след в исторической памяти россиян. Для властей, высшего сословия и торговых людей Поволжье, как уже говорилось, – оплот разбойников. Однако, с другой стороны, в сознании простого народа эти громадные волжские просторы ассоциировались с вольной жизнью как одним из объектов мечтания русского народа, воспринимались как граница между несвободой и волей¹¹. В исторической памяти,

как видно из культуры XIX века, именно образ «волжской вольницы» запечатлелся наиболее сильно.

В ходе непрерывного заселения этих земель русскими к XIX столетию на территории Среднего и Нижнего Поволжья благодаря её историческим и географическим особенностям сформировалась особая этнокультурная общность – волжане, отличительной чертой которой являлось сочетание и взаимодействие культур различных народов. «Сюда бежал и здесь селился народ отовсюду, и в России, кажется, нет губерний, где была бы такая смесь всяких людей... Хохлы, русские, татары, немцы; здесь вы найдёте и потомков стрельцов, и потомков казаков, и потомков беглых солдат и раскольников. По религиям смесь ещё больше: молокане, раскольники, православные, магометане, католики, лютеране»¹².

В эту же непростую эпоху Верхняя Волга, уже русская во всех отношениях, теперь приобретает ещё и символическое значение в идеолого-политическом плане пореформенного периода. На берегах Волги явился «спаситель России»¹³ – Кузьма Минин из Нижнего Новгорода, Ярославль был связан с именем князя Дмитрия Пожарского, а Кострома получила почётное звание «колыбели» правящей династии.

Кроме подобного историко-идеологического аспекта, на формирование образа Волги как истинно русской реки гораздо больше повлиял, на наш взгляд, также «меркантильный интерес». Укоренившийся в народе эпитет «матушки-кормилицы» по отношению к Волге наверняка не случаен.

Поволжье – огромная территория, климатические особенности которой обеспечивали ей разнообразие и богатство ресурсов, и которая, к тому же обладает огромными водными ресурсами в лице полноводной Волги. Губернии Верхнего Поволжья плодородностью не отличались. Но этот малопривлекательный факт способствовал развитию в них промышленного производства, ремёсел и промыслов. Произведённые здесь товары поступали в столицы. Известная Макарьевская ярмарка в Нижнем Новгороде – один из главных узлов внутренней торговли. В губерниях Среднего Поволжья также развивалась промышленность.

Благодаря более тёплому климату почва средневожских местностей значительно разнилась от верхневожских равнин. Казанская, Симбирская, Самарская и Саратовская губернии были самым плодородными в России. Для страны, где экономика большей частью основывалась на аграрном производстве, этот регион был едва ли не «жемчужиной России».

Не уступали в этом отношении и земли Астраханской губернии, где в изобилии росли садовые культуры, а также наибольшее развитие получили рыбные промыслы – Астрахань составляла средоточие всего каспийского рыболовства. Более того, Астрахань – крупный порт, через который осуществлялась торговля с прикаспийскими странами.

Что касается торговли, то это был главный и ключевой критерий развития региона. Волга – один из важнейших внутренних водных торговых путей, «длинная, дешёвая и удобная дорога»¹⁴, в отличие от XVI – XVIII вв. безопасная. С давних времён это был путь, соединяющий Запад (через се-

верные губернии и Архангельские порты) и Восток (через Каспийское море). Купцы на судах по реке перевозили разнообразные товары: пшеницу, рожь, овёс, ячмень и другие земледельческие культуры, соль, рыбу, смолу, инвентарь, товары мануфактурного производства Московской, Тульской, Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний, товары из Кавказа и Персии, уральское железо и медь, китайский чай и сибирское золото¹⁵.

Таким образом, Поволжье в целом (за исключением некоторых неразвитых уездов) сложилось как довольно богатый регион, который являлся важнейшей экономической базой России. Считать эти территории, особенно плодородные средневолжские губернии, враждебными, как это было века два назад, было, по меньшей мере, невыгодным для власти. Что касается народного образа, то в нём отразилось естественное возвеличивание реки, которая обеспечивала жизнедеятельность.

Исходя из выше сказанного, можно утверждать, что к XIX веку Волга осознаётся как чисто русская река, как один из важнейших символов нашей страны. Без Волги Россия была уже не мыслима. В путеводителях и путевых заметках нередко встречались такие высказывания: «Долг и обязанность всякого русского человека ознакомиться с этой великой рекой, это также необходимо, как школьное образование»¹⁶. «Тот, кто хочет узнать настоящую, коренную Россию, должен побывать на Волге. Стыдно русскому человеку не знать свою великую реку «кормилицу-матушку»! Без преувеличения можно сказать, что она обвивает своей серебристой лентой сердце русской земли, и пока мы владеем такой великой драгоценной рекой – будет слава, богата и красива наша Русь-матушка!»¹⁷.

Не менее чем сама река Волга, значимы были и города, основанные на ней. Интересен в этом отношении и образ каждого отдельного города. Волга, а точнее Поволжье, представляет собой комплекс различных идентичностей. Каждый волжский город – это отдельный своеобразный мир, занимающий своё непохожее место в исторической памяти россиян. На Волге города, словно нанизанные на ниточке бусины, различающиеся между собой как исторической судьбой, так и образами. Отдельные города, особенно Казань и Астрахань, не только сами становились «местами памяти», но и определяли восприятие целых регионов в историческом сознании.

Самым большим сходством между собой в исторической памяти, возможно, обладали города Верхнего Поволжья. Самые крупные из них (Тверь, Ярославль, Нижний Новгород) – исконные древние русские города, славящиеся остатками былой старины и своей ролью в тех или иных исторических событиях. В них сосредотачивалась память об исконной допетровской Руси. Многочисленные старинные православные храмы становились основными хранителями этой памяти и, соответственно, являлись, как правило, главными достопримечательностями. Бесчисленные пожары, набеги ордынцев, войны с другими крупными городами Руси, и наконец, подчинение Москве – стандартная схема, которая ложилась в основу исторической памяти о многих старых русских, и не только поволжских, городах. Начиная с XIX века внешний вид, быт, повседневный уклад жизни этих городов ста-

ли классикой провинциальности, формируя типичный образ губернского города.

Тверь – тихий скучный губернский город, в котором ещё жила память о былом могуществе, славе, красоте и многих бедствиях: разорениях, пожарах. Как писал один из путешественников, «надо удивляться, как он уцелел, и как на месте его не осталось брошенное и сожжённое городище, каких так много на Волге, город, про который сложилась поговорка: «Тверь-городок, Москвы уголок»». В XIX веке этот живописный город, раскинувшийся по обеим сторонам Волги, с многочисленными древними церквями навевал на путешественников воспоминания о том времени, когда в нём «клокотала бурная жизнь, улицы оглашались криками волнений, когда здесь было сосредоточие кипучей деятельности и больших политических событий. Нынешняя Тверь... сама памятник на могиле прекрасного княжества...»¹⁸. Исторический образ складывался, как правило, на основе памяти о наиболее значимых событиях прошлого и наиболее известном герое. В случае Твери главным героем её истории считался князь Михаил Тверской. Его трагическая судьба, как это часто бывает, отозвалась глубоким почтением в памяти последующих поколений, а его княжение в миниатюре символизировало судьбу всего города, которому приходилось защищаться и от нападений Орды, и от возмущившихся новгородцев, и от нападений великого князя московского¹⁹. Поэтому, если считать, что каждый город – это своеобразное напоминание о какой-либо эпохе или даже нескольких эпохах, то Тверь являлась памятником периода феодальной раздробленности.

Ярославль – один из самых древних и красивых русских городов, «полный чарующей старинной фантастичности, полный прихотливого поэтического зодчества»²⁰. Ярославль символизировал собой весь блеск допетровской Руси. Бурное прошлое этого города в самых общих чертах напоминало историческую судьбу Твери. Тем не менее, Ярославль оставил и свой уникальный след в исторической памяти. Главным героем здешних легенд являлся основатель города Ярослав Мудрый. Для тех, кто знал историю, прошлое Ярославля связывалось также с эпохой Смуты и неоднозначной ролью города в её событиях. Причём Ярославль справедливо оставался в представлениях россиян не только символом исконной Руси, но и крупным центром, достаточно развитым и имеющим право гордиться первой полотняной фабрикой, первой частной газетой, первым русским театром. Этот город умело сочетал в себе историческую ценность с элементами столичности в понимании XIX века.

Кострома – типичный губернский город, сохранивший много памятников глубокой старины. Те, кто не бывал в Костроме, представляли себе «страшную глушь, тёмные леса, холод, жалкий, далёкий и пустынный городишка, лежащий где-то там, чуть не на конце света». Для большого города с множеством красивых каменных зданий и нарядных улиц, подобные эпитеты были преувеличением, тем не менее, Кострома «не составляла исключения из общего правила провинциальных городов, живущих большой рекой»²¹. Кострома, которая находилась якобы «на краю света», была

городом ссыльных, городом, куда удалялись князья, отыскивая спасения: Дмитрий Донской – от Тохтамыша, Василий I Дмитриевич – от Едигея. Но самый главный и известный факт из истории города авторы путеводителей выделяли особо, жирным шрифтом: «*Въ 1613 г. 14 марта костромской бояринъ Михаилъ Федоровичъ Романовъ былъ избранъ на царство*»²². Кострома, таким образом, повторила судьбу многих старинных русских городов – запечатлелась в исторической памяти былой славой и символичной ролью в важнейших событиях, оставшись в положении провинции не только официально, но и по сути.

Нижний Новгород – «ярмарка всея Руси». Нижний Новгород своими живописными видами не уступал Ярославлю и Твери. Однако в путевых заметках, в первую очередь, обращала на себя внимание Макарьевская часть города, где располагались торговые ряды. Торговля, как уже отмечалось, – одна из форм эксплуатации Волги с давних времён. Нижний Новгород ещё в XVI – XVII вв. стал важнейшим торговым пунктом. Крупнейшая в России ярмарка способствовала тому, что Нижний Новгород стал одним из богатых и развитых городов не только в Поволжье, но и в России. «Быстро вырос большой и оригинальный город, живущий неведомою для других городов жизнью всего три месяца в году. С первых же дней своего возрождения этот своеобразный город, или так называемая ярмарка, сделался предметом постоянных забот правительства, которое не жалело затрат, чтобы помочь его процветанию»²³. Макарьевская ярмарка стала символом Нижнего Новгорода, а сам город стал символом торгового процветания страны, «торговым тузом, столицей Северного Поволжья»²⁴.

Среднее и Нижнее Поволжье, будучи территории сравнительно недавно присоединёнными к России (в середине XVI века), разительно отличались своими образами в исторической памяти. Два крупнейших города, Казань и Астрахань, – наиболее интересны в плане изменения их мест в российской исторической памяти. В историческом образе, прежде всего, это память о том, что Казань и Астрахань – столицы некогда враждебных России государств, с которыми шла длительная и тяжёлая борьба. Современный их образ определялся тем, что в XIX веке оба города уже как именно российские имели каждый своё особое значение.

Казань – «умственный центр Поволжья». Её образ в сознании русского народа изменялся вместе с образом всего Среднего Поволжья, и последний прямо зависел от первого. К началу XX века Казань – крупный, развитый город, в котором были сосредоточены многие аспекты российской национальной идентичности. Это город «со столичной жизнью, сохранивший свою полувосточную физиономию рядом с блеском прекрасного современного города, окутавшим своё прошлое поэтической вуалью и окружила его рядом сказаний и легенд»²⁵. С Казанью неразрывно была связана и память о ней как о столице некогда враждебного государства, заклятого врага. Вот наглядный пример проявления образа Казани в представлениях россиян: «Узенькой лентой представляется с Волги эта древняя татарская столица... Когда-то здесь было страшное место – гнездо змеево, откуда вылетали ди-

кие полчища, обагрившие кровью русскую землю... При взгляде на Казань припоминается вековая ожесточённая борьба двух великанов – Москвы и Казани... Воскресают имена великих князей, учинявших тесноту казанской земле... Возрастает в воображении величественный образ царя Ивана Грозного, под ударами которого пала гордая Казань»²⁶. Это память о временах многовековой давности. В XIX веке присутствует совершенно другой подход к осознанию Казани как одного из крупнейших российских городов тогдашнего времени – «из разбойничьего гнезда она превратилась в центр промышленности, торговли»²⁷, самым же главным в городе является университет, один из старейших в стране, давший «России много выдающихся научных имён»²⁸. Казань, таким образом, можно назвать символической столицей Средневолжского региона.

Самые крупные поволжские города на отрезке от Казани до Астрахани (Симбирск, Самара, Саратов, Царицын) были сравнительно молодыми. В отличие от двух старых ханских столиц, они изначально были русскими крепостями, и их образы складывались из осознания их как оборонительных пунктов уже не во вражеском, а в мятежном крае. В исторической памяти пореформенного периода их прошлое было связано с XVII–XVIII вв., когда в Поволжье гремели бунты. Особенности расположения на Волге, местности и исторической ситуации сформировали у каждого города свой отличительный облик, а в общественном сознании превалировал образ современный.

Симбирск – «дворянин на Волге», «со славой и весельем в прошлом, с преданиями жизни прежних помещиков и важных бар, центр в былые дни провинциального блеска, всего модного и изящного»²⁹; город, который «с проведением железных дорог совсем обезлюдел»³⁰. Некоторым путешественникам он представлялся скучным и неинтересным. Другие же, наоборот отмечали, что Симбирск – оригинальный, приятный, тихий, спокойный и даже «сонный» город, который «при своей бедности щеголяет таким внешним благоустройством, о котором его соседи и не мечтали»³¹. Образ Симбирска в общественном сознании, как правило, складывался из целого комплекса литературных ассоциаций. От него веяло «эпохой недавнего прошлого»³² – памятью об уроженце города Н.М. Карамзине (памятник Карамзину, карамзинская библиотека и другие места, названные именем прославленного историка не уходило от внимания ни одного из путешественников), о знаменитом герое И.А. Гончарова Обломове. Своеобразный «культурный центр» Поволжья, неумолимо бедневший, но не теряющий своей аристократической привлекательности.

Самара – «русский Чикаго». «Купчиха Самара не красна углами, а красна пирогами» – писал о ней путешествуя по Волге А. Батуев³³. В отличие от дворянского Симбирска, лицо этого города составляли купцы и предприниматели. Российский публицист Н.В. Шелгунов писал, что «самарцы любят называть себя американцами, и, может быть, они не совсем ошибаются в своём предчувствии»³⁴. Не имея культуры аристократического благородства и изящества, свойственной соседу, Самара была городом доволь-

но грязным, пыльным и неухоженным. Этот неприятный факт компенсировался сложившимся к концу XIX века образом города, в котором главное место занимал невиданный его «американский» рост: за несколько десятков лет из небольшого уездного захолустного городка она превратилась в крупный центр торговли и зерноводства. Два раза выгорев дотла, она не сохранила никаких остатков своего прошлого. «Это город будущего, это здоровый, кровь с молоком юноша, перед которым всё розовеет и золотится в лучах восходящего для него солнца»³⁵. В случае с Самарой в общественном сознании пореформенной эпохи присутствовал не столько образ её прошлого, сколько, напротив, образ будущего.

Саратов – как и соседка, Самара, центр торговли. Во многом и история и, соответственно, исторический образ Саратова был очень схож с образом Самары. Будучи ещё в начале XIX века захолустьем («В деревню к тётке, в глушь, в Саратов» – А.С. Грибоедов, «Горе от ума»), к концу столетия он стал крупным развитым, особенно в торговом плане, городом, хотя и имел серьёзных конкурентов в лице Царицына и Самары. Как и многие поволжские города, Саратов навевал воспоминания о восстаниях XVII – XVIII вв., когда он много претерпел «и от калмыков, и от донских казаков под предводительством Кондрата Булавина и Некрасова, и от нашествий Разина, и от Пугачёвского погрома, и от киргиз, и от башкир»³⁶.

Царицын – город-крепость с тяжёлой судьбой, которому постоянно приходилось обороняться. Находящийся в степи сторожевой пункт без конца подвергался набегам кочевников, немало бедствий причиняли его жителям разбойники. Несмотря на то, что он был основан в конце XVI века, сама степная местность, где он располагался, сохраняла многочисленные легенды, связанные с золотоордынской эпохой. Образ этого крупного уездного города в общественном сознании вместе с Самарой и Саратовом определяла, прежде всего, развитая торговля, хотя Царицын и отличался от последних совсем «негородской» внешностью, представляя собой «азиатское селение»³⁷ и имея «вид неопрятного, душного, пыльного села, окружённого целым рядом деревень, полных бедных лачуг, неприглядных землянок, серых хибарок, жалких мазанок и покачнувшихся изб»³⁸. Однако наибольшую славу в исторической памяти на тот момент ему составляли те времена, когда он находился в эпицентре крупных восстаний Разина, Булавина, Пугачёва. Собственно говоря, эти события были практически единственным, что составило Царицыну широкую известность в пореформенный период, в отличие от сегодняшнего времени, когда этот город, называемый теперь Волгоградом, является одним из главнейших символом патриотизма, городом-героем, образ которого неразрывно связан с Великой Отечественной войной.

Заканчивала череду «волжских бусин» Астрахань – этакий «полурусский город», «столица татар, город Золотой Орды, рынок и центр величайшего в мире рыболовства, пёстрый город с его вечной ярмарочной суетой и восточной грязью... сосредоточие юга и севера, запада и востока»³⁹, как и Казань, ещё несколько веков назад враждебная Москве. Однако не так ярко

было выражено это воспоминание в её историческом образе, возможно, потому что не столь тяжёлым оказалось покорение города, который «без кровопролития отворил ворота русским»⁴⁰. Тем не менее, изначальную «нерусскость» Астрахани не забывали и в XIX веке. Например, С.И. Монастырский писал о ней: «Все говорят, что Астрахань полуазиатский город... С первого взгляда может показаться, что родной тип великоросса затерялся среди иноплеменного и разноязычного населения...»⁴¹. Однако это выразилось вовсе не в восприятии города как чуждого, а, наоборот, в восприятии его как посредника и проводника русского влияния в Закаспийские земли. Астрахань понимала своих азиатских соседей, умела с ними обращаться и влиять на них в смысле российских интересов.

Как мы видим, волжские города, располагавшиеся по всей длине огромной реки, в чём-то схожи и в чём-то различны между собой. Складывание образов каждого из них зависело от многих причин. В первую очередь, это исторический путь каждого. Все они играли большую роль в тех или иных исторических событиях, между которыми проходили целые эпохи, растянувшиеся, по меньшей мере, на шесть–семь веков.

«Проезжая теперь по Волге на пароходе, любуясь её живописными берегами, её необъятной ширью, мы видим и богатые многолюдные города и сёла с фабриками и заводами, и распаханые поля, и цветущие сады. Всюду царствует оживление, всюду идёт хлопотливая деятельность»⁴².

Можно заключить, что образ Волги и Поволжья, трансформировавшийся на протяжении веков, прочно закрепился в исторической памяти XIX века. Волга в самосознании народа стала главной рекой России, «матушкой-кормилицей», собрав в единое «место памяти» целый комплекс образов различных эпох и отдельных регионов.

Примечания

¹ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. С. 11.

² Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 92-94.

³ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. С. 110.

⁴ Боголюбов Н.П. Волга от Твери до Астрахани. СПб.: Типография Гогенфельдена и Кэ, 1862.

⁵ Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. Казань: Типо-литография Ключникова, 1884; Немирович-Данченко В.И. По Волге: (очерки и впечатления летней поездки). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2008; Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия. Книга 1 «Волга». СПб: Типография А. Катанского и Кэ, 1894; Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). Изд. 4-е. Н.Новгород: Типография Губернского Правления, 1898; Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. М.: Думнов В.В., 1915.

⁶ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 3.

⁷ Черняева М. Когда и как стала Волга русской рекой. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1904. С. 71.

- ⁸ Благовидов Н.Ф. Волга-матушка. СПб: Типо-литография М.П. Фроловой, 1901. С. 8.
- ⁹ Благовидов Н.Ф. Волга-матушка. С. 9.
- ¹⁰ Боголюбов Н.П. Волга от Твери до Астрахани. С. 2.
- ¹¹ Трепавлов В.В. Волга-матушка = Ана Идель // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). Тула: Гриф и К, 2011. С. 21.
- ¹² Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб: Издание О.Н. Поповой, 1895. С. 371.
- ¹³ Благовидов Н.Ф. Волга-матушка. С. 10.
- ¹⁴ Благовидов Н.Ф. Волга-матушка. С. 358.
- ¹⁵ Богуславский Н.А. Волга как путь сообщения. СПб: Типография брат. Пантелеевых, 1887. С. 3.
- ¹⁶ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 4.
- ¹⁷ Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. С. 3.
- ¹⁸ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 60-68.
- ¹⁹ Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). С. 56.
- ²⁰ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 98-119.
- ²¹ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 120-125.
- ²² Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). С. 99.
- ²³ Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 48.
- ²⁴ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 153-160.
- ²⁵ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 200-206.
- ²⁶ Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 48.
- ²⁷ Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 93-94.
- ²⁸ Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. С. 70-71.
- ²⁹ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 236-240.
- ³⁰ Немирович-Данченко В.И. По Волге: (очерки и впечатления летней поездки). С. 91-92.
- ³¹ Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 187.
- ³² Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. С. 77.
- ³³ Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. С. 92.
- ³⁴ Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. С. 373.
- ³⁵ Немирович-Данченко В.И. По Волге: (очерки и впечатления летней поездки). С. 101-102.
- ³⁶ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 272-285.
- ³⁷ Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 213.
- ³⁸ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 295.
- ³⁹ Сидоров В. По России: путевые заметки и впечатления. С. 311-320.
- ⁴⁰ Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани). С. 300.
- ⁴¹ Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. С. 298-299.
- ⁴² Черняева М. Когда и как стала Волга русской рекой. С. 52.